

Сборник снабжен библиографическим указателем первых изданий каждой публикации и указателями: цитат (Библия, постбиблейская литература, древняя историческая литература других народов, современные научные публикации памятников древнего Востока) и имен.

Завершая данный обзор, хочется высказать пожелание о переводе сборника на русский язык. В пользу такой работы говорят и продуманный самим автором отбор статей, и их ориентация на широкую образованную аудиторию, и их высочайший профессиональный уровень. Это было бы действительно чрезвычайно полезно и важно для русскоязычного читателя и явилось бы безусловной данью уважения выдающемуся ученому, который через всю свою долгую жизнь вне России пронес искреннюю любовь к русскому языку и глубокое уважение к российской семитологической школе.

С.М. Якерсон

© 2007 г.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

(По поводу диссертации Р. Мюллера «Языковое самосознание и языковая вариативность в латинской письменности древности». Мюнхен, 2001 – R. Müller. Sprachbewußtsein und Sprachvariation im lateinischen Schrifttum der Antike. München: Beck, 2001; Zetemata 1 11).

Гейдельбергскую диссертацию Р. Мюллера, ученика недавно скончавшегося проф. Х. Петерманна, удобнее всего рассматривать с конца – библиографии (с. 333–349). Она невелика по сегодняшним меркам и с учетом того, сколько на эту тему опубликовано, но очень показательна своей деловой сжатостью. Новейшая литература по вульгарной латыни представлена прекрасно¹ и лишь присмотревшись замечаешь, что это все работы филологов-классиков – романисты в ней практически отсутствуют. Э. Косериу встречается четыре раза, но где его важный уругвайский спецкурс 1954 г., давно уже доступный в несколько сокращенном немецком варианте²? Дардель фигурирует с одной-единственной статьей, Мейер-Любке – только как автор этимологического словаря (REW); есть Лаусберг, но о Роберте Холле ни слуху, ни духу. Впрочем уже один беглый взгляд на публикации самого автора обличает его полную непричастность к романистике. Да и знает ли он романские языки? Румынский, не говоря уже о сардинском, вряд ли: мы находим только одну-единственную румынскую статью и к тому же без румынской диакритики; имена И. Фишера, Х. Михэеску и Марии Илиеску и вовсе отсутствуют. Так что сразу видно: на что-то адекватное книге Г. Райхенкрона³ нам здесь трудно рассчитывать. И досадно понимать, что выход в свет полезного всем «Lexikon der romanistischen Linguistik» (LRL – Tübingen, 1988 и далее) избавил латинистов от необходимости учить романские языки и вообще углубляться в романистику.

Но серьезно заниматься древними языками без учета их современных продолжений вообще вряд ли возможно. Самый знаменитый пример – это, наверное, Шампольон, расшифровавший Розеттский камень с помощью коптского. Несоблюдение этого неписаного закона исторической лингвистики стоило Мюллеру, как мы увидим, очень дорого.

«Введение» (с. 11–25) фокусируется на критике традиционной бинарной концепции латыни (см. также последний абзац диссертации, с. 231), противопоставляющей язык образованного об-

¹ Не упоминается только, к моему большому удивлению, монография М. Браччини: *Braccini M. Rusticus sermo. Giudizi e testimonianze sul volgare romanzo dal IV al VIII secolo*. Pisa, 1980 (Bibl. degli studi mediolatini e volgari. N.S. 5).

² *Coseriu E. El llamado «latín vulgar» y las primeras diferenciaciones romances*. Montevideo, 1954; Zur Entstehung der romanischen Sprachen / Hrsg. von R. Kontzi. Darmstadt, 1978 (Wege der Forschung. 162).

³ См. *Reichenkron G. Historische latein-altromanische Grammatik. I. Teil. Einleitung. Das sogenannte Vulgarlatein und das Wesen der Romanisierung*. Wiesbaden, 1965.

щества так называемой «вульгарной латыни»⁴. Взамен предлагается более дифференцированный подход к «субстандарту» с акцентом на его варианты, разновидности (*Varietäten* < fr. *variétés*) и вообще всевозможные «уровни выражения» (*Ausdrucksebene*)⁵. Все это, разумеется, чистая социолингвистика и от романистики с ее специфическими проблемами довольно далеко, но по-своему любопытно, особенно когда приводится новейшая литература по каждому отдельному вопросу. Тем более что проблематика языковых уровней разрабатывалась в последнее время очень интенсивно.

Часть I «Разновидности латыни» (*Die Vielfalt der Varietäten*, дословно «Разнообразие разновидностей» – заранее резюмирующее и, на мой взгляд, малоудачное название, с. 29–258) состоит из 12 глав: от *sermo rusticus* (с. 28–78) до *sermo latinus* (с. 231–258)⁶. Она вводит нас непосредственно в контакт с материалом (так сказать, с картотекой) исследования. Вопросы к автору возникают моментально: 1) чем обусловлен порядок следования: *rusticus*, *agrestis*, *plebeius* и т.д.? 2) почему встречающийся у Плавта *sermo proletarius* лишь бегло упомянут во введении (с. 24)? 3) почему *sermo simplex* рассмотрен и притом далеко не исчерпывающим образом во второй части (с. 304 сл.)⁷? 4) почему отсутствуют *sermo barbarus*, *barbare*, хотя он есть у Райхенкрона⁸, и даже общеизвестные *sermo peregrinus* и *sermo romanus*, *romanice? Число разновидностей латыни, таким образом, легко может быть увеличено. Причина, на мой взгляд, та же: автор обрубаёт все концы, ведущие к общероманской проблематике. Поэтому его утверждение во «Введении», что он расположил материал по хронологическому принципу (с. 23), следует воспринимать весьма скептически.

Достоинства и недостатки книги Мюллера отчетливо видны в маленьком разделе, посвященном *sermo communis* (с. 215–218). Автор очень тщательно проработал соответствующую и очень обширную статью *Thesaurus Linguae Latinae*. Я сам удовольствовался на предварительном этапе материалами Брууна, вследствие чего мне теперь пришлось сдвинуть датировку этого оборота со II в. н.э. к I в. до н.э.⁹ Впечатляет и привлечение параллельного оборота *consuetudo communis*.

⁴ Под этим термином теперь обычно понимают пограничный латино-романский ареал (= область знаний), охватывающий все случаи фиксации народной речи в литературных текстах, эпиграфике и даже в соседних языках (берберском, кельтском, греческом и т.д.). Все это весьма подробно обсуждалось в монографии Г. Райхенкрона, который отдавал предпочтение термину *Verkehrssprache* – «деловой язык», «язык большой дороги». Речь идет, на мой взгляд, все о том же романо-латинском креолизированном пиджине, носившем в разное время и в разных местах различные названия, да и у ученых не имеющем до сих пор четко фиксированного имени, не в последнюю очередь благодаря тому, что многие оспаривают его существование.

Мюллер упоминает не только Райхенкрона, но и статьи Лойда (*Lloyd P.M. On the Definition of Vulgar Latin // Neuphilologische Mitteilungen*. 1979. 80. S. 110–122) и Флобера (*Flobert P. Le mythe du Latin dit «vulgaire» // Moussylanea. Mélanges de linguistique et de littérature anciennes offerts à Claude Moussy / Ed. par B. Bureau. Louvain, 1998. P. 401–409*), тем не менее термин «вульгарная латынь» кажется ему вполне приемлемым (рец. соч., с. 11, прим. 1).

⁵ О вариантах названий «вульгарной латыни» писали и романисты, и латинисты. Мюллер (с. 16), не вдаваясь в историю вопроса, ссылается на Г. Шухардта (1866 г.), но первую и весьма обширную подборку цитат, правда, в основном из поздних авторов, дал в новое время Шарль Дюканж в «Предисловии» к своему знаменитому словарю, откуда и надо начинать, см., например: *Черняк А.Б. Языковая ситуация в древнем Риме: сообщения древних авторов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. VIII. СПб., 2004. С. 304–314*. Не надо забывать и об А. Фуксе (*Fuchs A. Die romanischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Lateinischen. Halle, 1849*), не говоря уже об итальянских гуманистах и филологах XVII – первой половины XIX в.

⁶ Заголовки остальных разделов: 2 – *sermo agrestis* (с. 79–84), 3 – *sermo plebeius* (с. 85–92), 4 – *sermo humilis* (с. 93–116), 5 – *sermo vulgaris* (с. 117–166), 6 – *sermo cotidianus* (с. 167–178), 7 – *sermo familiaris* (с. 179–182), 8 – *consuetudo* (с. 183–208), 9 – *sermo usitatus, usus* (с. 209–214), 10 – *sermo communis* (с. 215–218), 11 – *sermo urbanus* (с. 219–230).

⁷ См. *Черняк А.Б. Simplex* (*contio, oratio, verba* etc.) у Аммиана Марцеллина (*Amm. XX, 5, 2; XXV, 4, 13; XXVI, 2, 7; 5, 10*) и в поздней латыни // *Индоевропейское языкознание и классическая филология. IX. СПб., 2005. С. 272–277*.

⁸ *Reichenkron. Op. cit. S. 228 f.* Капитальнейшее античное свидетельство по *sermo barbarus*, а именно *Gell. XIII. 6. 2* (см. подробно в статье: *Черняк А.Б. Секст Помпей и его жаргон (Vell. II 73, 1 studiis rudis, sermone barbarus)*. Приложение: «Авл Геллий как источник дезинформации» // *Hrda manasa*. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения проф. Л.Г. Герценберга. СПб., 2005. С. 443–445) рассматривается Мюллером на с. 37–40, но лишь в связи с аспирацией, т.е. только цитируемый Геллием пассаж Нигидия Фигула.

⁹ См. выше, прим. 5, а также: *Черняк А.Б. Периодизация латыни у Исидора Севильского (Isid. Etymol. IX. 1)* (в печати).

С другой стороны, Мюллер проигнорировал важные примеры у Исидора Севильского (Isid. Etym. IX. 1. 6) – я думаю, что он просто, так сказать, не хотел связываться с «микстой» и всей ее очень непростой проблематикой (а может быть, еще и потому, что позднюю латынь он в принципе уже не рассматривает, останавливаясь на христианской), и мой вывод, что *sermo communis* в этом контексте есть не что иное, как калька греч. κοινή (δύλεκτος) – «койне» (дословно «общий язык»), ему вообще не пришел в голову¹⁰.

Вторая часть монографии под названием «Система вариантов» (с. 259–331) производит более приятное впечатление. Первая из образующих ее трех глав – «Диасистематика латыни» (с. 261–287), несмотря на суперсовременную (Э. Косериу) терминологию, весьма информативна. В разделе о «диатопических разновидностях» (т.е. о диалектах и говорах, с. 265–273) сообщается, что римские авторы упоминали о говорах Италии (т.е. Лация и латинских колоний за его пределами) лишь походя и конкретный материал можно найти только в надписях, в частности у Вахтера¹¹. Отметим также разграничение первичных (италийские) и вторичных (римские провинции) диалектных зон. Говоря о последних, автор ссылается и на работы романистов: Райхенкрона, Роджера Райта, финна Вяянена, венгра Хермана¹². К сожалению, конкретных случаев географической дифференциации латыни в книге почти не приводится.

Примерно так же построен и следующий параграф «Диастратическая (т.е. социолингвистическая) вариативность» (с. 274–282). Здесь мы имеем дело с так называемыми «социолектами» (а также техно-, сексо- и хронолектами): детский язык, женский язык, солдатский язык (*sermo castrensis*) и т.д. плюс большинство из рассмотренных в I части. Но какой подгруппе принадлежит самый, на мой взгляд, интересный социолект (?), «ученая речь», *sermo eruditus* (Quint. VIII. 6. 24)¹³? Обнаружение его представляется мне несомненной заслугой Мюллера (с. 280–282). Впрочем, он, вероятно, не первым обратил внимание на тот факт, что у Квинтилиана Цицероновский термин *sermo urbanus* «римская речь» постепенно заменяется в значении «нормативной латыни» более узким термином «речь эрудитов» или соответствующими перифразами. К сожалению, автор не связал этот важный семантический сдвиг с аналогичным процессом в Греции, приведшим к возникновению оппозиции «кафареуса» – «димотики». Я почти уверен, что в этом случае он не смог бы не заинтересоваться романистикой – которой (во всяком случае, мне лично) он оказал, сам того не подозревая, большую услугу¹⁴.

Последний параграф этой главы «Диафазисные варианты» (с. 282–286, ср. более знакомый термин *эмфаза, эмфатический*) посвящен языковым стилям. Здесь довольно много теории, но в конце мы находим важную таблицу, из которой следует, что все рассмотренные в I части варианты (*sermo rusticus, agrestis* и т.д.) являются диафазисными и что они сводятся к трем группам: *Vulgärlatein – Umgangssprache – Hochsprache (Schriftsprache)*.

Вторая глава «Стандарт и разновидности» (Standard und Varietäten, с. 287–320) рассматривает различные виды стандартов (письменный язык, литературный, *Hochsprache*, идеальный язык Цицерона), но становится по-настоящему интересной лишь с появлением «обиходного стандарта» (*Gebrauchsstandard, usus, consuetudo*). Любопытно, что по Цицерону (Cic. Brut. 261)¹⁵ носителями

¹⁰ Еще менее удачна, на мой взгляд, трактовка Мюллером вопроса о «рустичной» аспирации, ср. с. 37–40 его книги и прим. 6 на с. 444–445 в моей упомянутой статье «Секст Помпей и его жаргон».

¹¹ Wachter R. *Altlateinische Inschriften. Sprachliche und epigraphische Untersuchungen zu den Dokumenten bis etwa 150 v. Chr.* Bern-Frankfurt am Main-New York-Paris, 1987.

¹² Последняя по времени – Herman J. *Varietäten des Lateins – Les variétés du latin // LRL. II. 1. 1996. S. 44–61.*

¹³ Главные свидетельства: Quint. VIII. 6. 24 – «*vatio Marte pugnatum*» *eruditus est sermo*; далее I. 6. 45 – *ergo consuetudinem sermonis vocabo consensum eruditorum*; переосмысление термина *urbanitas*: VI. 3. 17 – *qua quidem significari video sermonem praeferentem in verbis et sono et usu proprium quendam gustum urbis et sumptam ex conversatione doctorum tacitam eruditionem*, а также известное всем романистам XII. 10. 43 – *nam mihi aliam quandam videtur habere naturam sermo vulgaris, aliam viri eloquentis oratio*. Ср. еще I. 6. 1 – *sermo constat ratione, vetustate, auctoritate, consuetudine* и I. 6. 3 – *consuetudo vero certissima loquentis magistra*, а также рец. соч., с. 325.

¹⁴ См. Черняк. Языковая ситуация в древнем Риме; особенно раздел II, посвященный Квинтилиану (с. 308–309).

¹⁵ Cic. Brut. 261: *Itaque cum ad hanc elegantiam verborum Latinorum – quae, etiam si orator non sis et sis ingenuus civis Romanus, tamen necessaria est* «Когда же к этой отборной чистоте латинской речи, без которой нет не только оратора, но и просто настоящего римлянина» (пер. И.П. Стрельниковой, см. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 310).

его были римляне начиная с *ingenui*, т.е. те, чьи родители были свободными: вольноотпущенники (*liberti, libertini*) в их число уже не входили (с. 308). У Квинтилиана, как мы видели (см. выше), *usus* и *consuetudo* употребляются в более специализированном значении, чем у Цицерона (с. 309).

Не забудем, что именно здесь размещен материал о *sermo simplex* (с. 304), – на мой взгляд, не очень удачно, и к тому же он далеко не полный (см. выше).

В конце главы помещен краткий очерк христианской латыни (с. 314–320). Автор считает, что в эволюции латинского языка распространение христианства сыграло очень важную роль: оно способствовало переходу промежуточных разновидностей (*sermo rusticus, vulgaris, humilis, simplex*) с уровня субстандарта на уровень стандарта (*Niveaufhebung*). На мой взгляд, языковая эволюция, приведшая к возникновению романских языков, началась в Риме гораздо раньше и по другим причинам (победа в Пунических войнах, завоз рабов, выведение колоний и т.д.). С социолингвистической точки зрения необходимо найти хоть какую-то аналогию столь значительному языковому сдвигу, вызванному сменой религии. В противном случае эта гипотеза (Й. Шрайнен, Кристина Моорманн, так называемая нимвегенская школа) просто повисает в воздухе.

Заключительная глава «Постоянство и перемена в позднеантичном восприятии языка» (*Konstanz und Wandel in der spätantiken Sprachauffassung*, с. 321–332) для нас не особенно интересна, так как эволюция латинской речи прослеживается сквозь призму высказываний теоретиков рубежа новой эры: Варрона, Цицерона и Квинтилиана, причем многое повторяется. Как это ни странно, критикуемая вначале концепция христианской латыни с ее пренебрежительным отношением к грамматике в конце оказывается едва ли не решающим фактором (с. 321, 328–329). Этого, вероятно, и следовало ожидать от сугубо социолингвистического исследования, сфокусированного на классической латыни.

А.Б. Черняк